ТАНКИ

Кулижский Богдан

Богдан Кулижский

Танки

«Автор»
2026

Кулижский Б. А.

Танки / Б. А. Кулижский — «Автор», 2026

1941 год. Андрей Кузнецов — двадцатилетний выпускник танкового училища, наводчик Т-34. Он не герой. Он просто хочет выжить.От разгрома под Вязьмой до окопов Сталинграда, от горящих полей Курской дуги до улиц Берлина — он проходит войну так, как проходили её миллионы: в тесной башне, среди дыма и крови, теряя друзей и стискивая зубы. Его экипаж — заряжающий Колька, механик Семёнов, командир Ветров — становится его семьёй. Кто-то из них доживёт до Победы. Кто-то нет.Это роман не о подвигах и не о славе. Это роман о цене. О том, что победа пахнет соляркой и гарью, а мир — это просто тишина, к которой нужно привыкнуть. О том, что солдат делает свою работу — не потому, что он смелый, а потому, что иначе нельзя.И о том, что спустя двадцать семь лет, на даче, среди яблонь, старик рассказывает внуку про войну — честно, без прикрас.

© Кулижский Б. А., 2026
© Автор, 2026

Богдан Кулижский
Танки

Танки

Автор: Кулижский Богдан

- - - - - - - - - - - - - -

ЧАСТЬ I. ЛЕТО

Глава 1. Кубики

Андрей проснулся за минуту до горна.

Он лежал на койке, смотрел в потолок — белёный, с трещиной в углу, которую знал наизусть, — и слушал, как просыпается казарма. Скрип пружин. Звяканье пряжек. Чей-то кашель. За окном топали сапоги по плацу: караул менялся, значит, пять утра.

Горн заиграл коротко, бодро. Андрей встал раньше, чем трубач взял вторую ноту.

— Кузнецов, — окликнул его сосед по койке, Гришка Соловьёв. — Тебе чего не спится? В последний день можно и полежать.

— Привычка.

— Плохая привычка. — Гришка сел, потёр лицо ладонями. — На фронте выспишься. Как убьют.

Андрей не ответил. Он натягивал гимнастёрку, застёгивал пуговицы — сверху вниз, как учили. За три года в училище он привык всё делать сверху вниз.

Их выпуск был последним.

Из тридцати курсантов, поступивших в сорок первом, к весне осталось двадцать два. Восемь отсеялись — кто по здоровью, кто по дисциплине. Андрей не знал, что с ними стало. Не интересовался. В училище не принято было интересоваться теми, кто ушёл.

Сегодня им вручали лейтенантские кубики.

Построение было коротким. Начальник училища, полковник с седыми висками и протезом вместо левой руки — ещё с Гражданской, — вышел перед строем. Говорил недолго, потому что не любил красивых слов.

— Вы — танкисты, — сказал он. — Не пехота, не кавалерия. Вы — броня. Там, на фронте, от вас будут зависеть жизни людей. Не подведите.

Он обвёл их взглядом — медленным, тяжёлым, как будто запоминал каждого. Потом сказал:

— Кубики получите у старшины. Документы — у писаря. К вечеру — погрузка. Свободны.

Старшина выдавал кубики из деревянного ящика. Маленькие, красные, с эмалью. Андрей прикрутил их к петлицам, посмотрел в зеркало — в казарме висело одно, треснувшее. Из зеркала смотрел парень лет двадцати, худой, с острыми скулами и серыми глазами, в гимнастёрке с лейтенантскими кубиками.

Он не чувствовал радости. Или страха. Просто смотрел.

— Ну что, — сказал Гришка, вставая рядом. — Лейтенанты.

— Лейтенанты.

— Могли бы и отметить. Есть у меня бутылка. Припрятал.

— Нельзя. Полковник узнает — трибунал.

— Полковник добрый. Он нам руку жал.

— Он нам руку жал, потому что мы едем на фронт. Это не доброта. Это прощание.

Гришка помолчал. Потом сказал:

— Ты как старик, Кузнецов. Всё понимаешь. Всё знаешь. Неужели не страшно?

Андрей посмотрел на него. На Гришку — весёлого, круглолицего, с вечно сбитым воротником. Он был хорошим парнем. И хорошим танкистом. Но он не понимал.

— Страшно, — сказал Андрей. — Только это ничего не меняет.

Днём они грузились в эшелон.

Танки ставили на платформы, крепили тросами, подкладывали под гусеницы брёвна. Андрей ходил вокруг своей машины — Т-34, с завода в Харькове, ещё не обстрелянный, с пахнущей краской башней, — и проверял крепления. Он не доверял тросам. Он вообще не доверял ничему, что могло подвести.

— Кузнецов! — крикнул кто-то. — Тебя командир роты зовёт.

Он пошёл к вагону, где стоял капитан Ветров. Ветров был невысоким, плотным, с ранними залысинами и спокойными глазами. Он служил в Испании, был ранен под Халхин-Голом, и его левая рука плохо сгибалась в локте. Андрей знал это, потому что капитан сам рассказывал — коротко, без подробностей.

— Кузнецов, — сказал Ветров. — Ты у нас наводчик.

— Так точно.

— Хорошо. Я посмотрел твои оценки. Ты лучший в выпуске. Это ничего не значит на фронте. Там лучшие умирают первыми. Но это значит, что я могу на тебя положиться.

— Постараюсь.

— Не старайся. Просто делай. — Ветров помолчал. — И ещё. В моём экипаже нет места героям. Если я говорю «не стреляй» — ты не стреляешь. Если я говорю «назад» — ты едешь назад. Понял?

— Понял.

— Тогда иди. Проверь машину.

Андрей ушёл. Он проверил машину. Потом ещё раз. Потом сел на платформу, свесив ноги, и посмотрел на запад.

Где-то там, далеко, был фронт. Немцы. Война, которая началась меньше месяца назад и уже перемолола половину их армии. Андрей не знал, что будет дальше. Никто не знал. Но он знал, что едет туда. Потому что должен.

Вечером к нему подошла девушка.

Она была из санчасти — Андрей видел её раньше, но не знал имени. Худая, с короткой стрижкой, с усталыми глазами. Она держала в руках маленький свёрток.

— Вы Кузнецов?

— Я.

— Вам передали. — Она протянула свёрток. — От матери. Она пришла в училище утром, но вас уже не было. Оставила у вахтёра.

Андрей взял. Свёрток был мягкий, тёплый. Внутри — вязаные носки и записка. Он развернул записку. Буквы были крупные, неровные — мать писала медленно, потому что руки уже плохо слушались.

«Андрюша. Носки тёплые, шерстяные. Не снимай зимой. Береги себя. Мы ждём тебя. Мама».

Он свернул записку. Убрал в карман. Посмотрел на девушку.

— Спасибо.

— Не за что. — Она помолчала. — Вы на фронт?

— Да.

— Мой брат тоже на фронте. Под Минском. Мы не знаем, жив ли он.

Андрей не знал, что сказать. Он никогда не знал, что говорить в таких случаях.

— Я уверен, что жив, — сказал он.

— Вы не можете этого знать.

— Не могу. Но я уверен.

Она посмотрела на него. Долго. Потом кивнула.

— Ладно. Удачи вам, лейтенант.

— И вам.

Она ушла. Андрей остался сидеть на платформе, держа в руках носки и записку. Он думал о матери. О том, что она пришла в училище, чтобы попрощаться, а он даже не узнал. О том, что она, наверное, плакала. О том, что он не увидит её, может быть, никогда.

Он убрал носки в вещмешок. Записку — в карман, к сердцу.

Эшелон тронулся на рассвете.

Андрей стоял у открытой двери вагона, смотрел, как мимо проплывают поля, деревни, станции. Где-то там, впереди, был фронт. Он не знал, что его ждёт. Но он знал, что будет драться. Как всегда. Как солдат.

Колька, заряжающий, сидевший напротив на ящике с боеприпасами, сказал:

— Ближе к фронту — больше воронок. Скоро увидишь.

— Увижу, — сказал Андрей.

Он смотрел на запад. Ветер бил в лицо, пахло дымом и чем-то ещё — горьким, незнакомым. Может, войной.

Глава 2. Дорога

Эшелон шёл на запад вторые сутки.

Андрей считал станции по табличкам, которые мелькали за открытой дверью вагона: Можайск, Гжатск. Дальше табличек стало меньше — то ли их поснимали, то ли они сгорели. За окном тянулись поля, перелески, деревни с пустыми глазницами окон. Иногда попадались сожжённые машины у обочин, иногда — свежие воронки, чёрные, как оспины.

Колька сидел напротив на ящике с боеприпасами и чистил пистолет. Делал он это медленно, обстоятельно, как будто от чистоты оружия зависела его жизнь. Может, и зависела.

— Ты чего молчишь всё время? — спросил он, не поднимая головы.

— Думаю.

— О чём?

Андрей пожал плечами.

— О доме. О матери. О том, что будет.

— А. — Колька протёр затвор ветошью. — Это пройдёт.

— Что пройдёт?

— Всё сразу думать. На фронте думать некогда. Там делать надо.

В вагоне было тесно. Сорок человек, койки в два яруса, печка-буржуйка в углу. Кто-то играл в карты на подоконнике, кто-то спал, кто-то писал письма. Пахло соляркой, махоркой и потом — густым, застоявшимся, как в казарме перед отбоем.

Ветров сидел у печки, разложив на коленях карту. Иногда поднимал голову, смотрел в окно, что-то отмечал карандашом. Андрей смотрел на него и думал: он знает, что нас ждёт. И молчит. Потому что если скажет — мы не поедем.

— Кузнецов, — позвал Ветров. — Иди сюда.

Андрей подошёл, присел на корточки рядом. Карта была старой, потрёпанной, с пометками, сделанными разными руками — карандашом, чернилами, чем-то ещё.

— Смотри. — Ветров ткнул пальцем в точку на карте. — Мы едем сюда. Разъезд Дровнино. Там выгружаемся. Дальше своим ходом. Бригада стоит в лесу, ждёт пополнение. Наша задача — добраться до неё без приключений.

— Без приключений — это как?

— Не подставляться. Не высовываться. Делать, что говорят. — Ветров помолчал. — И ещё. Немецкие самолёты в последнее время охотятся за эшелонами. Если услышишь гул — не геройствуй. Ложись и жди.

— Понял.

— Тогда иди. Отдохни, пока можешь.

Андрей вернулся на своё место. Сел, прислонился к стене, закрыл глаза. Он не спал — просто сидел. Думал о матери. О том, что она сейчас, наверное, дома, в Смоленске, и ждёт от него письма. Он написал ей вчера — коротко: «Мам, я на фронте. Всё хорошо. Не волнуйся». Он не знал, дойдёт ли письмо. Он не знал, дойдёт ли он сам.

Поезд замедлился. За окном проплыла табличка: «Вязьма».

— Стоянка десять минут, — сказал кто-то.

Андрей вышел на платформу. Станция была разбита: крыша вокзала провалилась, стёкла выбиты, на перроне — обломки кирпича и обгоревшие доски. Людей почти не было. Только военные — такие же, как они, — да несколько женщин с вёдрами, которые продавали варёную картошку.

Он купил картошку. Съел. Она была тёплой и безвкусной, но он не ел ничего горячего второй день.

— Кузнецов! — крикнул Ветров от вагона. — Пошли.

Они вернулись в вагон. Поезд тронулся.

Через час снова замедлился.

— Дровнино, — сказал Ветров. — Выгружаемся.

Выгружались быстро. Танки съезжали с платформ своим ходом, ревя моторами. Андрей сидел в башне, смотрел в прицел — на всякий случай. Вокруг было тихо. Только лес, только разбитая станция, только далёкие вспышки на горизонте.

Он вылез из танка, когда машина встала в колонну. Осмотрелся.

Станция была маленькой — две платформы, водокачка, несколько пустых вагонов на запасных путях. За путями начинался лес — тёмный, густой, с обломанными ветками. На земле валялись гильзы, обрывки бумаг, чей-то сапог без пары.

— Красиво тут, — сказал Гришка, подходя. — Как на даче.

— Ага, — сказал Андрей. — Только дачи сгорели.

Гришка засмеялся. Он всегда смеялся, даже когда не надо было. Андрей завидовал ему. Он не умел так.

Подошёл Ветров, собрал командиров.

— Слушайте. Бригада в десяти километрах. Идём своим ходом. Колонной. Я впереди, за мной — второй взвод, замыкает третий. Дистанция — тридцать метров. В случае чего — не кучковаться. Понятно?

— Понятно.

— Тогда по машинам.

Андрей забрался в башню. Колька уже был на своём месте, заряжающий — тоже, механик-водитель Семёнов сидел за рычагами, спокойный, как всегда.

— Ну что, — сказал Семёнов. — Поехали.

Танк выехал со станции. Гусеницы чавкали по грязи, которая осталась после дождя. Андрей смотрел в прицел. Впереди был лес, потом поле, потом снова лес. Где-то там, за этими деревьями, была бригада. И фронт. И немцы.

Он не знал, что его ждёт. Но он был готов. Или думал, что готов.

Колонна шла через лес медленно.

Андрей смотрел в прицел, но видел только стволы деревьев, мокрые от дождя, и колею, которую разбили гусеницы головного танка. Пахло сыростью, прелой листвой и выхлопными газами. Иногда с веток срывалась вода и стучала по броне — глухо, как горох.

— Долго ещё? — спросил Гуськов, заряжающий. Он сидел на своём месте, сжимая в руках снаряд, и нервно крутил его в ладонях.

— Не крути, — сказал Андрей. — Взорвётся.

Гуськов замер. Посмотрел на снаряд. Потом на Андрея.

— Шутишь?

— Шучу. Но не крути.

Колька усмехнулся. Он сидел рядом, командир башни, и смотрел в свой прибор — панораму, которая давала обзор получше, чем прицел.

— Тихо, — сказал он вдруг. — Впереди поляна.

Андрей приник к прицелу. Поляна была большой, открытой, с высокой травой, которая уже пожелтела. На другом конце — разбитая полуторка, лежащая на боку, и воронка, глубокая, с тёмной водой на дне.

— Нас могут ждать, — сказал Колька.

— Могут, — согласился Ветров. — Семёнов, не гони. Идём медленно.

Танк выполз на поляну. Андрей вёл стволом из стороны в сторону, готовый выстрелить в любой момент. Но поляна была пуста. Только трава, только полуторка, только воронка.

Потом он услышал гул.

Сначала он подумал, что это ещё один танк — из бригады, может, кто-то выехал навстречу. Но звук был не тот. Низкий, тяжёлый, идущий с неба. Он поднял голову.

Три самолёта вынырнули из-за облаков и пошли вдоль колонны.

— Воздух! — заорал Ветров. — Всем из машин! В лес!

Андрей рванул люк, выскочил, побежал к деревьям. Взрывы ударили один за другим — сначала по голове колонны, потом по хвосту. Земля подпрыгивала, била в грудь, в голову, в руки. Он упал в канаву, прижался к земле, закрыл голову руками.

Потом стало тихо.

Он поднялся. Над поляной стоял дым. Горела полуторка, которую они видели, — теперь от неё остался только чёрный остов. Один танк из второго взвода стоял с пробитой башней, из люка шёл дым. Люди бегали, кричали, таскали раненых.

Андрей побежал к своему танку. Машина была цела — только ветки на броне обгорели. Семёнов сидел у гусеницы, бледный, с трясущимися руками.

— Живой? — спросил Андрей.

— Живой. — Семёнов посмотрел на него. — Я думал, всё.

— Я тоже.

Подошёл Ветров, собрал командиров.

— Потери?

— Один танк. Второй взвод. Экипаж не успел выбраться.

— Кто ещё?

— Двое раненых. Один тяжело.

Ветров помолчал. Посмотрел на горящий танк, на дым, который поднимался к небу.

— Уходим. Быстро. Пока они не вернулись.

Они вернулись в лес и пошли дальше — медленнее, осторожнее. Андрей смотрел в прицел, но теперь он смотрел не только вперёд, а и в небо. Каждые несколько секунд он поднимал голову, проверял, не идёт ли ещё одна тройка.

— Ты чего? — спросил Колька.

— Смотрю.

— На что?

— На небо.

Колька помолчал. Потом сказал:

— Это правильно. Но не зацикливайся. Если будешь всё время смотреть в небо — прозеваешь то, что на земле.

— А ты?

— А я смотрю на землю. Мы с тобой как два глаза. Один вверх, один вниз. Вместе видим всё.

Андрей усмехнулся. Впервые за много дней.

Бригада стояла в лесу, в глубоком овраге, замаскированная так, что её не было видно с воздуха. Когда они подъехали, Андрей сначала не понял, что это она, — просто ещё один овраг, ещё один лес. Потом из кустов вышел часовой с автоматом, махнул рукой, и колонна свернула в сторону.

В овраге стояли танки — десять, может, двенадцать. Между ними ходили люди, горели костры, кто-то чинил гусеницу, кто-то спал прямо на земле, укрывшись шинелью.

Ветров вылез из танка, пошёл к штабу — блиндажу, сложенному из брёвен и земли. Андрей остался сидеть на броне. Он смотрел на людей и думал: это и есть фронт? Это и есть война?

Колька подошёл, сел рядом.

— Разочарован?

— Не знаю. Я думал, будет по-другому.

— Как?

— Не знаю. Как в кино. Красиво.

Колька усмехнулся.

— В кино не пахнет. А здесь — пахнет. — Он кивнул на овраг. — Потом привыкнешь. Или нет.

Андрей не ответил. Он смотрел на людей, на танки, на дым от костров. И думал о том, что завтра будет бой. Настоящий. Не учебный. И что кто-то из этих людей, которые сейчас смеются у костра, завтра умрёт. Может, он. Может, Колька. Может, все.

Вечером Ветров собрал экипаж.

— Завтра идём в бой. — Он обвёл их взглядом. — Задача: поддержать пехоту. Немцы сидят в деревне за лесом. Надо их выбить. Танки идут впереди, пехота за нами. Как всегда.

— Как всегда, — повторил Колька.

— Вопросы есть?

Вопросов не было.

Андрей вышел из блиндажа. Ночь была холодной. Он сел на землю, прислонился спиной к гусенице. Достал из кармана записку матери. Развернул. Прочитал. «Береги себя. Мы ждём тебя».

Он свернул записку, убрал обратно. Посмотрел на небо. Звёзды были яркими, как будто не было никакой войны.

Завтра будет бой.

Глава 3. Первый бой

Подъём был в четыре утра.

Андрей не спал. Он лежал на шинели, подстеленной под гусеницей, смотрел в небо и ждал, когда оно начнёт светлеть. Звёзды гасли одна за другой, как будто кто-то задувал их по одной. Потом небо стало серым, потом розовым, потом просто светлым.

Колька поднялся первым. Потоптался, разминая ноги, посмотрел на Андрея.

— Не спал?

— Немного.

— Врёшь.

— Вру.

Они не завтракали. Ветров сказал: «Перед боем не жрите. Если ранят в живот — меньше вони». Никто не спорил.

В пять выехали. Колонна из восьми танков шла через лес по просёлку, который разведчики нашли ночью. Андрей сидел в башне, смотрел в прицел. Впереди был тот самый лес, потом поляна, потом деревня — небольшая, с десяток домов, с церковью на пригорке. Немцы сидели в ней уже третий день, и пехота не могла их выбить без танков.

— Видишь церковь? — спросил Ветров.

— Вижу.

— Там у них наблюдатель. Сними его первым. Потом займёмся домами.

— Понял.

Лес кончился неожиданно. Танк выполз на опушку, и Андрей увидел деревню — серые дома, крыши, дым из труб. И немцев: маленькие фигурки у окопов, у церкви, у дороги.

— Огонь, — сказал Ветров.

Андрей выстрелил осколочным. Снаряд ударил в колокольню, разворотил угол. Наблюдатель исчез.

— Молодец, — сказал Ветров. — Теперь по домам. Не дай им высунуться.

Андрей стрелял. Осколочными. По окнам, по дверям, по всему, откуда мог вылететь огонь. Немцы отвечали — из винтовок, из пулемётов. Пули стучали по броне, как град. Танк вздрагивал, но шёл вперёд.

Пехота пошла через десять минут. Андрей видел их — маленькие фигурки в белых маскхалатах, которые бежали по полю, падали, поднимались, снова бежали. Они кричали что-то, но за грохотом не было слышно.

Потом из-за церкви выполз немецкий танк.

Он был маленьким, с низкой башней, с короткой пушкой. Андрей узнал его — Т-III, с пятидесятимиллиметровым орудием. В лоб он был опасен, но Т-34 мог его пробить с любого расстояния.

— Вижу, — сказал Андрей.

— Бей, — сказал Ветров.

Выстрел. Снаряд попал в башню. Танк замер, потом из люка вырвалось пламя. Второй немецкий выполз следом, но Андрей уже развернулся. Второй выстрел. Второй танк загорелся.

— Горит, — сказал Колька.

— Вижу.

Немцы дрогнули. Кто-то побежал, кто-то бросил оружие. Пехота ворвалась в деревню, и началась стрельба — короткая, злая, в упор. Андрей видел, как в окне одного дома мелькнула фигура в серой шинели, и выстрелил. Окно разлетелось.

Потом стало тихо.

Ветров вылез из танка, посмотрел на деревню. Андрей — за ним. Дым поднимался над крышами, где-то горел сарай, где-то кричал раненый. Пехотинцы ходили между домами, вытаскивали из подвалов перепуганных жителей — стариков, женщин, детей.

— Взяли, — сказал Ветров. — С первой попытки.

Андрей кивнул. Он смотрел на тела — и наших, и немцев. Их было много. Больше, чем он думал.

Колька подошёл, сел на гусеницу.

— Ты как?

— Нормально.

— Врёшь.

— Вру.

Колька усмехнулся. Достал из кармана сухарь, разломил пополам.

— Держи. Теперь можно.

Андрей взял. Сухарь был твёрдым, как камень. Он жевал его и смотрел на деревню. Где-то там, в одном из домов, пехотинцы нашли немецкого офицера — живого, с перевязанной рукой. Он сидел на стуле и смотрел в стену.

— Что с ним будет? — спросил Андрей.

— Не знаю, — сказал Колька. — Может, допросят. Может, отправят в тыл. Может, пристрелят.

— Пристрелят?

— Всякое бывает. Война.

Андрей не ответил. Он думал о том, что этот офицер, может быть, тоже не хотел воевать. Может, у него тоже была мать, которая ждала его дома. Может, он тоже писал письма и не знал, дойдут ли они.

Вечером они вернулись в расположение. Потери были небольшими: два танка подбиты, но экипажи выжили. Пехота потеряла семь человек. Немцы — больше.

Ветров собрал экипаж.

— Хорошо поработали. Завтра — снова. Но не расслабляйтесь. Немцы не любят проигрывать. Они вернутся.

Андрей сидел на земле, прислонившись к гусенице. Смотрел на закат — красный, тяжёлый, как кровь. Думал о матери. О том, что она, наверное, уже получила его письмо. Или нет.

Колька подошёл, сел рядом.

— Ты чего?

— Думаю.

— О чём?

— О том, что я убил сегодня, может, десять человек. И ничего не почувствовал.

Колька помолчал. Потом сказал:

— Это хорошо.

— Что хорошего?

— То, что не чувствуешь. Значит, ты не убийца. Ты солдат. Убийца убивает и радуется. А солдат убивает и идёт дальше. Потому что должен.

Андрей посмотрел на него. Долго. Потом кивнул.

— Может, ты прав.

— Я всегда прав. — Колька ухмыльнулся. — Пошли. Ветров сказал, что дадут горячего.

Они пошли к костру. Андрей думал о том, что завтра будет новый бой. И послезавтра. И через неделю. И через месяц. И он не знал, сколько ещё выдержит. Но он знал, что будет держаться. Потому что иначе — зачем всё это?

Глава 4. Деревня

Деревню они держали три дня.

Немцы не возвращались. То ли у них не было сил, то ли они готовили что-то другое. Андрей не знал. Он просто сидел в танке, смотрел в прицел и ждал. Иногда вылезал, разминал ноги, курил с Колькой на пару. Иногда спал — прямо на земле, подстелив шинель, потому что в танке было душно.

Пехота закрепилась в домах. Жители — те, кто не успел уйти, — сидели в подвалах. Их было немного: старик со старухой, две женщины с детьми, какой-то мужик без ноги. Они боялись и наших, и немцев одинаково. Андрей видел это по их глазам.

На второй день к нему подошёл мальчик.

Ему было лет десять, может, меньше. Худой, с грязным лицом, в рваной куртке не по размеру. Он стоял в десяти шагах, смотрел на танк и не решался подойти.

Андрей вылез из башни, сел на броню.

— Чего тебе?

Мальчик молчал. Потом сказал:

— Дяденька. Ты немец?

— Нет. Я русский.

— А немцы тоже русские?

— Нет. Немцы — это немцы.

Мальчик кивнул. Подошёл ближе.

— А ты их убиваешь?

Андрей помолчал. Посмотрел на него. На его глаза — большие, взрослые, как будто он уже видел слишком много.

— Убиваю.

— Много?

— Не считаю.

Мальчик снова кивнул. Потом сказал:

— У меня папа был немец. Он воевал. Давно. Я его не помню. Мама говорит, что он погиб. А теперь пришли другие немцы. Они забрали нашу корову. И курей. И маму.

Андрей замер.

— Что с мамой?

— Не знаю. Они её увели. В тот день, когда стреляли.

Он сказал это спокойно. Как будто рассказывал про погоду.

Андрей не знал, что сказать. Он никогда не знал.

Он достал из кармана сухарь — последний, из пайка. Протянул мальчику.

— Держи.

Мальчик взял. Посмотрел на сухарь. Потом на Андрея.

— А ты завтра будешь их убивать?

— Буду.

— Хорошо.

Он ушёл. Андрей смотрел ему вслед и думал: я не могу его спасти. Я не могу спасти всех. Я могу только стрелять. И это не помогает. Или помогает? Он не знал.

Вечером Колька подошёл, сел рядом.

— Ты чего?

— Мальчик тут один. Мать немцы забрали.

Колька помолчал. Потом сказал:

— Война.

— Знаю.

— Ты не можешь всех спасти.

— Знаю.

— Тогда чего?

Андрей посмотрел на него.

— А ты? Ты можешь?

Колька не ответил. Он смотрел на деревню, на дома, на дым от костра, который поднимался к небу.

— Нет, — сказал он наконец. — Не могу.

Утром немцы пошли в контратаку.

Сначала — артиллерия. Снаряды падали на деревню, разбивали дома, поднимали в воздух брёвна и кирпичи. Андрей сидел в танке, сжимал маховики, ждал. Один снаряд ударил в двадцати метрах, танк тряхнуло, но броня выдержала.

— Держаться! — кричал Ветров. — Не высовываться!

Потом пошла пехота. Немцы наступали с двух сторон — с поля и из леса. Их было много. Больше, чем в первый раз.

— Огонь! — закричал Ветров.

Андрей выстрелил осколочным. Взрыв разметал передний ряд. Он выстрелил снова. И ещё. И ещё. Гуськов подавал снаряды, уже не путаясь, молча, с каменным лицом. Колька корректировал огонь, стучал по плечу, показывал на новые цели.

Пехота держалась. Наши засели в домах, стреляли из окон, из-за углов. Немцы падали, но шли вперёд.

Потом Андрей увидел мальчика.

Он бежал через улицу — маленькая фигурка в рваной куртке. Бежал не к своим, а от своих. Может, искал мать. Может, просто испугался. Андрей закричал:

— Стой! Назад!

Мальчик не слышал. Он бежал прямо под огонь.

Очередь прошла по нему. Короткая, злая. Мальчик упал. Андрей видел это в прицел — как он падает, как его куртка темнеет.

Он закричал. Не от ярости — от боли. И выстрелил. Снаряд попал в дом, откуда стреляли. Дом загорелся.

— Андрей! — заорал Ветров. — Не psych! Бей по цели!

Андрей не слышал. Он стрелял и стрелял, пока не кончились осколочные. Потом взял пулемёт. Очередь прошла по бегущим. Он не думал. Просто водил стволом.

Потом стало тихо.

Немцы отступили. Деревня горела. Пехотинцы ходили между домами, собирали раненых, тушили огонь. Андрей вылез из танка. Пошёл к тому месту, где упал мальчик.

Он лежал на улице, раскинув руки. Глаза были открыты. Он смотрел в небо.

Андрей сел рядом. Долго смотрел. Потом закрыл ему глаза.

Колька подошёл, встал рядом.

— Ты не виноват.

— Виноват.

— Нет. Ты не мог его спасти. Он выбежал под огонь. Это не твоя вина.

— Я должен был.

— Что?

— Спасти. Хоть кого-то. Хоть одного.

Колька молчал. Потом сел рядом.

— Ты не бог, Андрей. Ты танкист. Ты стреляешь. Ты убиваешь. Ты не спасаешь. Это не твоя работа.

— Тогда зачем всё это?

Колька посмотрел на него. Долго.

— Чтобы другие могли спасать. Те, кто умеет. Врачи. Матери. Те, кто остался в тылу. Мы делаем свою работу, чтобы они делали свою. Понимаешь?

Андрей не ответил. Он смотрел на мальчика. На его лицо, на его руки, на его куртку.

Вечером они похоронили его в саду за домом. Андрей сам выкопал яму. Сам положил тело. Сам закопал. Никто ему не помогал. Он не просил.

Потом он сел на землю, прислонился к яблоне и закрыл глаза.

Он не плакал. Он не умел.

Через два дня их перебросили на другой участок. Деревня осталась позади — сгоревшая, пустая, с могилой в саду.

Андрей не оглядывался.

Глава 5. Отступление

Их перебросили на другой участок — под Ельню.

Андрей не знал, где это. Он вообще перестал следить за географией. Названия станций, деревень, рек мелькали и исчезали, как будто их и не было. Он запоминал только то, что нужно было для боя: где лес, где поле, где можно закопать танк.

Под Ельней они простояли два дня. Потом пришёл приказ: отходить.

— Отходить? — переспросил Гуськов. — Почему?

— Потому что немцы обошли нас с юга, — сказал Ветров. — Мы в мешке. Надо выходить, пока не закрыли.

Мешок. Андрей слышал это слово раньше, но не понимал, что оно значит. Теперь понял.

Они шли через лес — колонной, медленно, с потушенными фарами. Ночью. Андрей сидел в башне, смотрел в прицел. В темноте ничего не было видно, только силуэты деревьев и звёзды.

— Тихо, — сказал Колька. — Слишком тихо.

— Это хорошо, — сказал Ветров. — Значит, они нас не ждут.

Они вышли к перекрёстку к утру. Дорога была забита — обозы, пехота, машины, повозки. Люди шли молча, с серыми лицами. Кто-то тащил мешки, кто-то — детей. Кто-то просто брёл, уставившись в землю.

— Это что? — спросил Андрей.

— Отступление, — сказал Колька. — Видел когда-нибудь?

— Нет.

— Теперь увидел.

Они встали в колонну. Танк полз медленно, объезжая повозки, людей, брошенные машины. Андрей смотрел на них и думал: куда они идут? Что их ждёт? Никто не знал. Все просто шли.

Потом появились немцы.

Сначала — самолёты. Три штуки, низко, над самой дорогой. Все бросились врассыпную — кто в лес, кто в кювет. Андрей выскочил из танка, упал в грязь. Взрывы ударили по колонне — где-то сзади, где-то впереди. Он слышал крики, но не видел, что происходит.

Потом самолёты ушли. Он поднялся. Дорога была разбита. Горели машины, повозки, что-то ещё. Люди бегали, таскали раненых.

— В танк! — закричал Ветров. — Быстро!

Они забрались в танк и поехали дальше. Через полчаса — снова самолёты. И снова. И снова. Каждый раз они останавливались, разбегались, ждали. Каждый раз кто-то не возвращался.

К вечеру они добрались до переправы. Река была неширокой, но мост был разбит — воронка посередине, обломки досок. Сапёры наводили переправу — наспех, из брёвен и досок, которые таскали из разбитых домов.

— Долго? — спросил Ветров у сапёра.

— Час. Может, два.

— Немцы близко?

— Близко. — Сапёр вытер лицо рукавом. — Часа через два будут здесь.

Ветров помолчал. Потом сказал:

— Мы подождём.

Они стояли у переправы, пока сапёры работали. Андрей сидел на броне, смотрел на другой берег. Там был лес, тихий, тёмный, как будто не было никакой войны.

Колька подошёл, сел рядом.

— Думаешь, успеем?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. — Колька помолчал. — Но если нет — я не хочу, чтобы меня похоронили здесь. В этой грязи.

Андрей посмотрел на него.

— А где хочешь?

— Не знаю. Дома. В Бресте. У нас там сад был. Яблони. Отец посадил, когда я родился.

Он замолчал. Андрей не знал, что сказать. Он никогда не знал.

Переправа была готова через час. Танки пошли первыми. Андрей вёл машину осторожно, гусеницы скользили по мокрым брёвнам. Река была чёрной, холодной, и он думал: если сорвёмся — конец.

Не сорвались. Перебрались. За ними — пехота, обозы, кто-то ещё. Немцы появились, когда последние машины были на середине реки. Начали стрелять из орудий. Снаряды падали в воду, поднимали фонтаны. Одна повозка сорвалась, ушла под лёд вместе с лошадьми.

Андрей смотрел на это и думал: сколько их там осталось? Сотни? Тысячи? Он не знал. Он не мог их спасти. Он мог только уехать.

Они уехали.

К ночи добрались до нового рубежа — старые окопы, брошенные кем-то. Ветров приказал занять оборону.

— Завтра они будут здесь, — сказал он. — Надо держаться. Пока не подойдут наши.

— А если не подойдут? — спросил Гуськов.

— Тогда умрём, — сказал Ветров. — Но не сегодня.

Он ушёл. Андрей сидел на земле, прислонившись к гусенице. Смотрел на запад. Где-то там были немцы. Где-то там был фронт. Где-то там была Москва.

Он достал из кармана записку матери. Развернул. Прочитал. «Береги себя. Мы ждём тебя».

Он свернул записку, убрал обратно. Посмотрел на небо. Звёзды были яркими, как будто не было никакой войны.

Завтра будет бой. И послезавтра. И через неделю. Он не знал, сколько ещё выдержит. Но он знал, что будет держаться. Потому что иначе — зачем всё это?

Глава 6. Рубеж

Окопы были старые, брошенные.

Их вырыли ещё в июле, когда фронт стоял здесь в первый раз. Теперь они заросли травой, стенки осыпались, на дне стояла вода. Андрей спустился в один — сапоги сразу промокли. Пахло сыростью и чем-то гнилым.

— Не сахар, — сказал Колька, спрыгивая следом. — Но лучше, чем ничего.

Они затащили в окоп боеприпасы, воду, сухари. Танк оставили наверху, замаскированный ветками, — он будет стрелять из-за их спин, как закопанный. Ветров приказал замаскировать так, чтобы с поля его не было видно.

— Немцы пойдут утром, — сказал он. — Скорее всего, с танками. Мы их подпустим и встретим. Главное — не дать им обойти справа. Там лес, они могут попробовать.

— А если попробуют? — спросил Гуськов.

— Тогда мы умрём, — сказал Ветров. — Но постараемся, чтобы они умерли раньше.

Ночь прошла тихо. Андрей дежурил вторым — с двух до четырёх. Сидел на дне окопа, смотрел в темноту, слушал. Где-то далеко ухали орудия. Где-то близко шуршала трава. Может, ветер. Может, кто-то полз.

Он думал о матери. О том, что она, наверное, уже получила его письмо. Или нет. Он не знал, как работает почта на войне. Он вообще мало что знал.

В четыре его сменил Колька. Андрей лёг на дно окопа, подстелив шинель, и закрыл глаза. Сон не шёл. Он лежал и слушал, как Колька возится наверху, как скрипит земля под его сапогами.

Утром немцы пришли.

Сначала — тишина. Потом — гул. Андрей поднялся, взял автомат, встал у бруствера. Ветров уже был там, смотрел в бинокль.

— Танки, — сказал он. — Три. И пехота. Много.

Андрей посмотрел. Они шли по полю — медленно, осторожно, стволы вперёд. За ними — серые фигурки, густые, как муравьи.

— Подпускаем, — сказал Ветров. — Как всегда.

Андрей ждал. Танки шли ближе. Пятьсот. Четыреста. Триста.

— Огонь, — сказал Ветров.

Выстрел ударил по ушам. Андрей увидел, как первый танк встал, как из люка вырвался дым. Второй выстрел — по второму. Третий — по третьему.

— Молодец, — сказал Ветров. — Теперь пехота.

Андрей взял пулемёт. Очередь прошла по бегущим. Они падали, но другие шли. И ещё другие. И ещё.

— Не дай им подойти! — закричал Ветров.

Пехотинцы в окопах открыли огонь. Немцы залегли, потом поднялись, потом снова залегли. Кто-то попытался обойти справа — там был лес, — но Ветров вовремя заметил и перебросил туда двоих с пулемётом.

Андрей стрелял, пока не кончились патроны. Потом взял винтовку. Потом гранаты. Он не думал. Просто делал.

Атаку отбили через час. Немцы отошли, оставив на поле три горящих танка и десятки тел.

— Живы? — спросил Ветров.

— Живы, — сказал Колька. — Но патронов мало.

— Знаю.

Они сидели в окопе, тяжело дыша. Андрей смотрел на поле боя — на тела, на дым, на разбитые танки. Он не чувствовал ничего. Только усталость.

— Они вернутся, — сказал Ветров. — С артиллерией. Или с авиацией. Надо продержаться до вечера. Ночью отойдём.

— Куда? — спросил Гуськов.

— Дальше. К Москве.

Вечером они отошли.

Шли через лес — тихо, медленно, с потушенными фарами. Андрей сидел в башне, смотрел в прицел. В темноте ничего не было видно, только силуэты деревьев и звёзды.

— Тихо, — сказал Колька. — Слишком тихо.

— Это хорошо, — сказал Ветров. — Значит, они нас не ждут.

Они вышли к новой позиции к утру — старые окопы, ещё дальше от фронта. Андрей вылез из танка, сел на землю. Руки тряслись. Он смотрел на них и не мог остановить.

Колька подошёл, сел рядом.

— Ты как?

— Нормально.

— Врёшь.

— Вру.

Колька помолчал. Потом сказал:

— Мы отступаем. Уже месяц. Может, больше. Я сбился.

— И что?

— И ничего. Просто отступаем. Как все. Как всегда.

Андрей посмотрел на него.

— Ты думаешь, мы дойдём до Москвы?

— Не знаю. — Колька помолчал. — Но если не дойдём — то не дойдём. Главное — не сдаваться. Пока мы живы — мы воюем.

Андрей кивнул. Он думал о том же. О том, что они отступают, но не сдаются. О том, что каждый день, который они живут, — это день, который немцы не живут. О том, что это уже что-то.

Он достал из кармана записку матери. Развернул. Прочитал. «Береги себя. Мы ждём тебя».

Он свернул записку, убрал обратно. Посмотрел на небо. Звёзды были яркими, как будто не было никакой войны.

Глава 7. Мост

Отступали ещё неделю.

Андрей перестал считать дни. Они слились в один длинный серый день — подъём, марш, окопы, бой, отход. Иногда ночью, иногда днём. Иногда с потерями, иногда без. Он научился спать в танке, на своём месте, уронив голову на маховики. Научился есть на ходу — сухарь в одной руке, автомат в другой. Научился не думать.

Колька держался. Гуськов держался. Семёнов, механик-водитель, держался. Ветров держался, хотя лицо у него стало серым, как шинель, и он всё чаще молчал, глядя в карту.

На восьмой день они вышли к мосту.

Мост был через узкую реку — деревянный, старый, с перилами, которые кто-то разобрал на дрова. За мостом начинался лес, а за лесом, по данным разведки, стояли наши — свежая дивизия, которая должна была их сменить.

— Надо перейти, — сказал Ветров. — Пока немцы не подошли.

— А они подойдут? — спросил Гуськов.

— Подойдут. — Ветров посмотрел на него. — Они всегда подходят.

Они начали переправу на рассвете. Танки шли первыми — медленно, осторожно, гусеницы скользили по мокрым доскам. Андрей сидел в башне, смотрел в прицел. За рекой было тихо.

Потом ударила артиллерия.

Первый снаряд упал в воду метрах в двадцати от моста. Второй — ближе. Третий ударил в берег, поднял фонтан земли и камней.

— Быстрее! — закричал Ветров. — Быстрее!

Танк рванул вперёд. Андрей вцепился в маховики. Мост под гусеницами застонал, затрещал. Он думал: сейчас рухнет. Сейчас всё.

Не рухнул. Они перебрались. За ними — второй танк, третий. Пехота бежала по мосту, падала, поднималась. Снаряды рвались то слева, то справа. Кто-то упал в воду и не выплыл.

Последний танк не успел. Снаряд ударил прямо в настил, мост сложился, как карточный домик. Танк рухнул в реку, перевернулся, ушёл под воду. Из люка никто не выбрался.

Андрей видел это в прицел. Видел, как вода смыкается над башней. Видел, как на поверхности остаются пузыри.

— Не смотри, — сказал Колька. — Не смотри.

Андрей отвернулся.

Они отошли в лес и заняли оборону. Немцы не стали переправляться — то ли мост был разрушен, то ли они не хотели лезть в лес, где их ждут. Артиллерия замолчала. Стало тихо.

Ветров собрал экипаж.

— Считаем потери. Два танка. Один — на мосту. Второй — из третьего взвода, его подбили у переправы. Люди?

— Семеро, — сказал Колька. — Может, больше.

Ветров кивнул. Он выглядел усталым. Сильнее, чем обычно.

— Связь с дивизией есть?

— Есть. Говорят, через час подойдут.

— Хорошо. — Ветров помолчал. — Отдыхайте. Час.

Андрей сел на землю, прислонился к дереву. Смотрел на реку. На мост, который теперь был разбит. На воду, которая была чёрной и тихой.

Колька подошёл, сел рядом. Молчал. Долго. Потом сказал:

— Я думал, мы не перейдём.

— Я тоже.

— А перешли.

— Перешли.

Колька усмехнулся. Горько.

— Как думаешь, сколько нас ещё осталось? Из бригады?

— Не знаю. — Андрей помолчал. — Мало.

— Мало, — согласился Колька. — Но мы живы. Пока живы.

Они сидели молча. Где-то далеко ухали орудия. Где-то близко пели птицы — как будто не было никакой войны.

Через час подошла дивизия. Свежие, чистые, с новыми танками. Они смотрели на остатки бригады с удивлением — как на людей, вернувшихся с того света.

Их отвели в тыл. На переформирование. Андрей сидел в кузове грузовика, смотрел на лес, который проплывал мимо. Он думал о матери. О том, что она, наверное, уже знает, что он жив. Или нет. Он не знал.

Колька сидел рядом, спал. Гуськов спал. Семёнов спал. Все спали.

Андрей не спал. Он смотрел на дорогу и думал: мы отступили. Мы потеряли людей. Мы потеряли танки. Но мы живы. И мы будем драться. Снова. И снова. Пока не дойдём до Берлина.

Он не знал, что до Берлина ещё три года. Он не знал, что впереди — Сталинград. Он не знал, что потеряет ещё многих.

Он просто смотрел на дорогу.

Глава 8. Тыл

В тылу пахло не войной.

Андрей не сразу понял, что это за запах. Он вышел из грузовика, встал на землю — твёрдую, не разбитую гусеницами, — и принюхался. Пахло дымом из труб, варёной картошкой, свежеструганными досками. Где-то мычала корова. Где-то лаяла собака.

— Что это? — спросил он.

— Жизнь, — сказал Колька, спрыгивая следом. — Забыл, как она пахнет?

Андрей не ответил. Он смотрел на деревню — настоящую, целую, с крышами, с заборами, с окнами, в которых горел свет. Люди ходили по улицам — не бежали, не прятались, просто ходили. Женщины несли воду из колодца. Мальчишки гоняли мяч по пыльной дороге.

— Как будто и нет войны, — сказал Гуськов.

— Есть, — сказал Ветров, подходя. — Просто сюда ещё не дошла.

Их разместили в школе — в двух классах, вычищенных и вымытых. На полу лежали соломенные матрасы, на окнах — занавески, на стенах — карты и плакаты. Андрей сел на матрас, снял сапоги. Портянки были мокрыми насквозь.

— Баня через час, — сказал кто-то из хозяйственников. — Всех помоем. Потом — ужин.

Баня была настоящей. С паром, с горячей водой, с деревянными шайками. Андрей сидел на полке, смотрел, как с него стекает грязь — серая, густая, как сметана, — и думал: я не мылся два месяца. Может, больше.

После бани выдали новое бельё, новые портянки, новые гимнастёрки. Андрей надел чистое, посмотрел в зеркало — в бане висело одно, мутное, но целое. Из зеркала смотрел парень лет двадцати, худой, с острыми скулами, с серыми глазами и свежим шрамом на щеке — осколок чиркнул под Ельней, он уже и забыл.

Ужин был настоящим. Щи, каша с мясом, хлеб, чай с сахаром. Андрей ел медленно, как будто боялся, что отнимут. Колька ел быстро, жадно, но потом остановился и сказал:

— Что-то не так.

— Что?

— Слишком хорошо. Я забыл, что так бывает.

Ветров сидел рядом, ел молча. Потом сказал:

— Завтра получим новые танки. И пополнение. Будем сколачивать экипажи.

— Сколько танков? — спросил Гуськов.

— Двенадцать. Может, больше. Придут с завода. Новые, с иголочки.

— А люди?

— Люди тоже будут. Молодые. Необстрелянные. — Ветров помолчал. — Их надо будет учить. Быстро.

Андрей посмотрел на него. На его лицо — усталое, серое, с новыми морщинами. Ветров выглядел старше, чем был. Намного старше.

— Товарищ капитан, — сказал Андрей. — А вы давно на фронте?

Ветров поднял глаза. Посмотрел на него. Долго.

— С первого дня, — сказал он. — Как и Колька. — Он отставил кружку. — Я был под Брестом. Потом под Минском. Потом под Смоленском. Потом под Ельней. Потом здесь.

— И всё живы?

— Живы. — Ветров усмехнулся. — Не знаю, почему. Может, везучий. Может, трус. Может, просто ещё не время.

Он встал, отряхнул гимнастёрку.

— Отдыхайте. Завтра будет тяжёлый день.

Андрей лёг на матрас, укрылся шинелью. Сон не шёл. Он лежал и слушал, как за окном лает собака, как скрипит колодец, как кто-то играет на гармошке — тихо, грустно, как будто прощаясь.

Утром пришли танки.

Двенадцать машин — новеньких, с завода, с ещё не обгоревшей краской. Андрей ходил вокруг них, как вокруг чужих лошадей, — не доверял. Он привык к своей машине, к её скрипам и стукам, к тому, как она ведёт себя на поворотах. Новая была гладкой, чистой, без единой царапины. И пахла по-другому — не соляркой и потом, а заводской смазкой и металлом.

— Привыкнешь, — сказал Колька, забираясь в башню. — Это как с ложкой. Новая ложка — та же каша.

— Ты сравниваешь танк с ложкой?

— А что? И то, и другое — железо. И то, и другое — в руках держишь. Главное — чтобы не сломалось в самый неподходящий момент.

Андрей усмехнулся. Колька был прав. Он всегда был прав, даже когда говорил глупости.

Пополнение пришло через день. Молодые парни, восемнадцать-девятнадцать лет, с бритыми затылками и глазами, которые ещё не видели смерти. Они смотрели на Андрея как на старика — хотя ему было всего двадцать. Он уже командовал орудием, уже подбил четыре танка, уже терял людей. Для них он был героем. Для себя — просто человеком, который слишком долго живёт.

Ветров распределял их по экипажам. Андрею достался новый заряжающий — парень по фамилии Гуськов, круглолицый, веснушчатый, с руками, которые не знали, куда девать. Колька перешёл на место командира башни — ему присвоили звание старшего сержанта, и он должен

был командовать своим танком. Андрей остался наводчиком. Он не хотел командовать. Он хотел стрелять.

— Ты мог бы получить свой танк, — сказал Ветров однажды вечером, когда они сидели у костра. — Ты заслужил.

— Не хочу.

— Почему?

Андрей помолчал. Посмотрел на огонь. Потом сказал:

— Потому что командир решает. А я не хочу решать. Я хочу делать. Наводить. Стрелять. Попадать. Это просто. Это честно.

Ветров посмотрел на него долго. Потом кивнул.

— Ладно. Твоё дело.

Он встал, отряхнул шинель.

— Завтра начинаем учения. Новые экипажи, новая техника. Надо сколотить их в одно целое. Пока есть время.

Время было. Но его было мало.

Глава 9. Учения

Полигон был старым танкодромом — полем за деревней, изрытым гусеницами, с мишенями из фанеры и старых бочек.

Андрей вывел свой новый танк на исходную. Гуськов сидел на месте заряжающего, сжимая в руках снаряд, и смотрел на него так, как будто ждал, что тот взорвётся. Колька стоял на башне, свесившись в люк, и щурился на солнце.

— Первое упражнение, — сказал Ветров, подходя к танку. — Стрельба с ходу. Мишень — вон та бочка. Андрей, работаешь. Гуськов, подаёшь. Колька, следишь.

— Есть.

Танк тронулся. Андрей взял на прицел бочку — она была метрах в трёхстах, маленькая, ржавая. Он выстрелил. Мимо.

— Ещё раз, — сказал Ветров.

Андрей выстрелил снова. Попал. Бочка разлетелась.

— Хорошо. Теперь по движущейся.

Они отработали два часа. Андрей стрелял, Гуськов подавал, Колька корректировал. К концу второго часа Гуськов перестал путаться в снарядах. Почти.

— Ты не спеши, — сказал ему Андрей. — Главное — не спеши. Снаряд в казённик, до щелчка. Потом ждёшь. Я скажу «готов» — тогда закрываешь затвор.

— Я стараюсь, — сказал Гуськов. — Правда.

— Старайся лучше.

Колька засмеялся.

— Ты слишком добрый, Андрей. Надо было сразу дать ему по шее.

— Не учи меня. Сам такой же был.

— Я не был таким. Я с первого раза всё понимал.

— Врёшь.

— Вру.

Они засмеялись. Впервые за много дней — легко, без натяжки.

После учений Ветров собрал командиров. Андрей сидел на броне, слушал. Речь шла о том, что через неделю бригада снова пойдёт в бой. Куда — пока не говорили. Только готовиться.

— Немцы на юге, — сказал Ветров, показывая на карте. — Рвутся к Волге. Если прорвутся — разрежут страну пополам. Нас могут перебросить туда.

Андрей смотрел на карту. Волга. Сталинград. Он слышал это слово раньше, но оно ничего не значило. Просто город. Просто ещё одна точка.

— Когда? — спросил кто-то.

— Через неделю. Может, две. Пока — учения. Каждый день. До износа.

Вечером Андрей сидел у костра с Колькой. Гуськов спал в палатке, укрывшись шинелью. Ветров ушёл в штаб.

— Ты знаешь, что такое Сталинград? — спросил Андрей.

— Город на Волге. — Колька помолчал. — Говорят, большой. Красивый. Тракторный завод там. Ещё что-то.

— Думаешь, будет страшно?

Колька посмотрел на него. Долго.

— Будет хуже, чем под Москвой. — Он подбросил ветку в огонь. — Немцы не хотят отступать. Они тоже понимают, что это значит. Если мы возьмём Сталинград — они проиграют. Если они возьмут — мы проиграем. Там будет мясорубка.

Андрей молчал. Он смотрел на огонь и думал: я только что привык к этой войне. К отступлению, к потерям, к страху. А впереди — что-то хуже. И я не знаю, выдержу ли.

— Ты чего? — спросил Колька.

— Ничего. Просто думаю.

— О чём?

Андрей помолчал. Потом сказал:

— О том, что я не хочу умирать.

Колька посмотрел на него. Не засмеялся. Не сказал «глупости». Просто кивнул.

— Я тоже, — сказал он. — Никто не хочет. Но мы всё равно идём. Потому что если не мы — то кто?

Они сидели молча. Огонь трещал. Где-то в деревне играла гармошка. Где-то лаяла собака. Жизнь продолжалась.

Через неделю пришёл приказ.

Их перебрасывали под Сталинград.

Глава 10. Сталинград

Эшелон разгрузился на станции Гумрак в кромешной тьме.

Андрей спрыгнул с платформы на щебень, и первое, что он почувствовал, — как под ногами дрожит земля. Не от поезда. От канонады. Она шла где-то далеко, на западе, глухая, тяжёлая, как будто кто-то бил в огромный барабан под землёй, и этот звук не прекращался ни на секунду.

— Красиво, — сказал Колька, спрыгивая следом. — Как в кино.

— В кино не пахнет, — ответил Андрей.

Пахло. Горелым маслом, гарью, пылью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Андрей уже знал этот запах. Под Москвой он был слабее. Здесь он был гуще, как будто сам воздух пропитался им.

Ветров собрал командиров у платформы. Он говорил тихо, но его слышали все.

— Город горит. Немцы прорвались к Волге в районе тракторного завода. Наша задача — занять оборону на рубеже реки Царицы и не дать им пройти дальше. Танки закапываем в землю. Работаем из засад. На открытое пространство не выходим — сожгут авиацией. Понятно?

— Понятно.

— Тогда выступаем. Через час.

Они шли через город, и Андрей не узнавал его. Он никогда здесь не был, но представлял по фотографиям в газетах: широкие проспекты, светлые дома, набережная. Теперь это был лабиринт из обгоревших коробок. Стены стояли без крыш, окна зияли пустотой, внутри домов громоздились обломки. На улицах — воронки, перевёрнутые трамваи, сгоревшие машины. И везде — кирпичная крошка, которая хрустела под гусеницами, как снег.

— Как они тут живут? — спросил Гуськов, заряжающий. Он смотрел на развалины, приоткрыв рот.

— Никак, — сказал Колька. — Тут уже никто не живёт.

Он ошибался. В одном из подвалов они увидели женщину. Она сидела на ящике, держала на коленях ребёнка, завёрнутого в одеяло, и смотрела на танк без страха. Просто смотрела. Андрей отвернулся.

Их рубеж был у слияния Царицы и Волги — узкая полоска земли, зажатая между рекой и развалинами. Ветров приказал зарыть танк в землю по башню, оставив только ствол. Работали всю ночь, ломами и лопатами, матерясь и проклиная твёрдую землю, пропитанную мазутом и чем-то ещё.

К утру танк стоял в яме, замаскированный ветками и обломками кирпича. Андрей сидел в башне, смотрел в прицел. Впереди была площадь, заваленная обломками, и улица, уходящая на запад. Там были немцы.

— Не стрелять без приказа, — сказал Ветров. — Подпускаем близко. Как под Москвой.

— Помню, — сказал Андрей.

Немцы пошли в десять утра. Сначала — разведка: два танка, медленно, осторожно, стволы вперёд. Андрей взял на прицел, но Ветров сказал: «Не трогай. Пусть пройдут». Они прошли. Через полчаса пошли главные силы — восемь танков, за ними пехота, густая, как муравьи.

— Теперь бей, — сказал Ветров.

Андрей выстрелил. Первый танк встал, из люка вырвался дым. Второй выстрел — по второму. Третий — по третьему. Немцы заметались, начали разворачивать башни, но не видели, откуда стреляют. Танк был закопан, только ствол торчал из-под веток.

— Молодец, — сказал Ветров. — Ещё.

Они подбили четыре танка. Остальные отступили. Пехота залегла, потом тоже попятилась. Андрей смотрел, как они уходят, и чувствовал, как что-то внутри него сжимается. Он не знал, что это — азарт или страх.

— Отлично, — сказал Ветров. — Теперь ждём. Они вернутся с авиацией.

Они вернулись через два часа. Сначала пришли самолёты. Андрей услышал гул, посмотрел вверх и увидел, как из-за туч вынырнули три «юнкерса». Они шли низко, почти над крышами, и сбрасывали бомбы. Взрывы были такими близкими, что танк подпрыгивал, и Андрей бился головой о прицел.

— Держаться! — кричал Ветров. — Не высовываться!

Одна бомба упала в двадцати метрах, и в башню влетел фонтан кирпичной пыли. Андрей закашлялся, протёр глаза. Когда пыль осела, он выглянул в прицел. Площадь перед ними была изрыта воронками, но танк стоял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.